
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ТЕОРИЯ ПЕРИФЕРИЙНОГО КАПИТАЛИЗМА: К ВОПРОСУ О ПРИМЕНИМОСТИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛИ К СТРАНАМ ПРИБАЛТИКИ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА

И. А. Максимцев^а

Н. М. Межевич^б

Н. П. Сирота^а

^а Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

^б Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11–3

Поступила в редакцию 01.08.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-7

© Максимцев И. А., Межевич Н. М.,
Сирота Н. П., 2020

Актуальность исследования постсоветского транзита связана с решением задач, формально теоретических, но крайне важных для понимания процессов регионального развития в восточной части Балтийского моря. Цель исследования — верификации теории периферийного капитализма применительно к странам Прибалтики. Первая теоретическая задача связана с разграничением представлений о модернизации и трансформации в региональном контексте. Вторая задача — конкретизация теории периферийного капитализма применительно к малым странам. Для изучения специфики трансформации экономических и политических систем стран Прибалтики в статье используется компаративный анализ как основной метод. Задействованы также системный анализ и принципы теоретического и эмпирического анализа, в том числе количественные и качественные подходы. Опираясь на эту основу, авторы выявили определенные недостатки теоретико-методологического потенциала исследований транзита. К их числу следует отнести претензию на завершенность теоретико-методологического потенциала транзита применительно к миру постсоциалистической и постсоветской Европы. Различия географического характера между Латинской Америкой и странами Прибалтики настолько очевидны, что скрывают экономическое сходство процессов и моделей развития, свойственных латиноамериканским странам и странам Прибалтики. Анализ процессов, протекающих в Латинской Америке, позволяет спрогнозировать экономические и частично политические последствия тех тенденций, которые еще не имеют в странах Прибалтики достаточных внешних проявлений. Доказательству этого тезиса посвящена данная статья.

Ключевые слова:

транзит, трансформация, модернизация, теория периферийного латиноамериканского капитализма, Эстония, Латвия, Литва

Для цитирования: Максимцев И. А., Межевич Н. М., Сирота Н. П. Теория периферийного капитализма: к вопросу о применимости латиноамериканской модели к странам Прибалтики: опыт междисциплинарного анализа // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 2. С. 100–117. doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-7.

Введение. Теории транзита и специфика их имплементации в странах Прибалтики

Актуальность задачи теоретического объяснения транзита остается неизменной уже тридцать лет. Почему проблематика оценки, систематизации, анализа эволюции национальных экономических моделей остается в центре внимания ученых? Часть причин очевидна. Мировая экономика находится в процессе постоянных изменений, равным образом в экономических практиках пост-социализма наблюдается все большее разнообразие. Впрочем, основная проблема не в разнообразии, а в качестве развития. Можно сформулировать и несколько более масштабно: «основополагающая теоретико-методологическая установка «транзитологической парадигмы», трактующая современные политические трансформации как движение от авторитарного режима к консолидированной демократии, требует серьезного переосмысления» [1, с. 66]. Это предупреждение было написано в 2004 году, но не было услышано. Тезис об окончании транзита продолжает обсуждаться. Академический вклад в науку Ф. Фукуямы очевиден и велик. Поставить точку в истории не удалось, но найти момент поворота — получилось. Однако момент поворота оказался несколько более протяженным, чем казалось изначально, то есть в начале 90-х годов прошлого века.

Выборы в Европарламент и последовавшие за этим избрания руководства Европейским союзом не столько вызвали, сколько актуализировали старую дискуссию об эффективности транзита на Востоке Европы [2; 3].

При этом необходимость подобного анализа очевидна. Страны Прибалтики — это единственная часть постсоветского пространства, интегрированная в Европейский союз. Эстония, Латвия, Литва — соседи России, и их опыт в течение долгого времени считался «образцовым», это также привлекает внимание ученых. Социально-экономические процессы, протекающие в соседних государствах, также не могут не быть предметом исследования, в том числе и из соображений национальной безопасности.

Другие причины имеют изначально теоретическую составляющую. Для данной статьи первичен вопрос, связанный с соотношением понятий трансформации и модернизации [4; 5].

С нашей точки зрения любая модернизация — это трансформация. Однако обратной связи нет. Трансформация может быть успешной, способствующей социальному и экономическому прогрессу, в этом случае это модернизация. Возможен и иной вариант: трансформации, приведшие к очевидной или неочевидной деградации экономической системы, качественному сокращению социального капитала. Такие примеры на постсоветском пространстве тоже есть, однако сразу оговоримся, что страны Прибалтики не могут рассматриваться в качестве такого примера [6, с. 7—18].

Во-первых, если говорить об экономических системах стран Прибалтики, то изначально они формировались не просто под лозунгом трансформации и модернизации. Именно здесь ключевым компонентом стала так называемая вестернизация. Соответственно, главным разочарованием стала констатация того факта, что вестернизация произошла поверхностно, сформировались институты, внешне очень похожие на мировые и европейские, но работающие иначе или не работающие вовсе. Был принят на веру тезис о том, что «существует только один способ управления современной экономикой» [7, с. 118]. Результат оказался не очевиден. Именно поэтому модернизация в Прибалтике остается вопросом даже для тех экспертов, которые видят преимущественно положительные стороны в прибалтийском опыте. «Представляется невозможным дать однозначный ответ на вопрос, удалась ли модернизация в Эстонии» [8, с. 7]. Авторы не разделяют оценку реформ в странах Прибалтики как «истории успеха», но не готовы признать и провал этого реформирования.

Практика институционального строительства в Эстонии, Латвии, Литве после 1991 года основывалась на том, что «наилучший путь к материальному благополучию и процветанию, достижению уровня жизни, сравнимому с аналогичным показателем во Франции или Германии, — это именно европеизация при стратегической поддержке США» [9, с. 19—20]. Были воспроизведены признаки экономики, частично известные архитекторам реформ по знаменитому для того времени учебнику «Экономикс». С одной стороны, это логично: «Поскольку борьба закончилась победой капиталистической системы, основные институты проигравшего социализма должны быть демонтированы и перестроены в соответствии с дизайном, характерным для системы-победительницы» [10]. Тоже произошло и в России, и в далеком от условного «Запада» Казахстане.

С другой стороны, была допущена ошибка. Экономические институты Запада находились и находятся в постоянной трансформации и оптимизации. Баланс между экономическими и политическими приоритетами развития постоянно меняется. Копируя институты, необходимо было учесть географическую и историческую специфику. «Посткоммунистические страны были вынуждены принять 20 тыс. новых законов и положений — ни одно из которых не обсуждалось в их парламентах, чтобы соответствовать требованиям для вступления в ЕС»¹. Еще одна ошибка — смешение либерализма в идеологии и политики с либерализмом в экономической практике. «Существует огромная разница между неолиберальной политикой, особенно в экономике, и истинно либеральными требованиями независимости суда, прекращения вседозволенности чиновничьего аппарата, борьбы с коррупцией, с фальсификацией на выборах, за обязательность подчинения закону всех сверху донизу» [11].

Основная проблема стран Прибалтики состояла в абсолютизации имевших место положительных эффектов либерализации и в том числе внешнеэкономической открытости. «Воздействие либерализации на неравенство является ограниченным, когда страны находятся на более высоком уровне развития финансовой системы или когда после либерализации не происходит финансового кризиса. Это еще больше поддерживает ту точку зрения, что соотношение выгод и издержек больше для стран, финансовые рынки которых находятся выше определенного уровня развития, или когда страны сумели должным образом укрепить регулирование финансового рынка еще до проведения либерализации» [12, с. 48]. Тезис М. Фридмена подтверждает Польша, крайне осторожно открывшая свои рынки, особенно финансовый. Открытость национальных финансовых систем и фактическая ликвидация национальных механизмов контроля за движением капиталов «в теории несет в себе многочисленные преимущества, на практике либерализация часто приводила к экономической нестабильности и финансовому кризису» [13, р. 25].

Д. Вудрафф, профессор политологии в Массачусетском технологическом институте, писал: «Успех демократии состоял в том, что она способствовала выработке адекватной политики, приспособленной к локальным условиям. То есть речь идет о политике, основанной на понимании и того, что просто взорвать унаследованную от социализма промышленность вряд ли будет наилучшим выбором» [14, с. 216]. С этим трудно, практически невозможно спорить, однако это признание появилось не в 1991 году, а спустя несколько десятилетий, когда все стратегические — политические и экономические — решения уже были приняты. Иными словами, высказывания Д. Вудраффа можно считать чем угодно, кроме практических рекомендаций. Тезис авторитетного эксперта понятен. Построение демократии предполагает определенные жертвы, в том числе в качестве управления. Но что делать в том

¹ Крыстев И. «Превращение» Центральной Европы. Почему подражание Западу неизбежно ведет к национальному ресентименту. URL: <https://www.ipg-journal.io/rubriki/evropeiskaja-integracija/statja/show/prevrashchenie-centralnoi-evropy-715> (дата обращения: 12.05.2019).

случае, когда жертва есть, а качество демократии по-прежнему, через тридцать лет, вызывает вопросы? «Не являются ли уже сформировавшиеся или же все четче обнаруживающие себя автократические тенденции в некоторых странах проявлением как раз этих незавершенных, а во многих сферах и несправедливых трансформационных процессов на пути к демократии и рыночной экономике»². Подчеркнем, что вышеотмеченное написано уже после формирования в Эстонии правительства на базе ультраправой партии ЕКРЕ и приезда в Таллин представителей французского «Национального фронта». Сказанное подтверждает то, «что можно иметь капиталистическое по сути своей экономическое устройство и в тоже время несвободное устройство политическое» [15, с. 10].

Подведем промежуточные итоги. Все характеристики экономических моделей государств Прибалтики не являются уникальными или принципиально новыми для экономической теории. Вопрос в их сочетании, взаимовлиянии, кумулятивном эффекте действия, возможностях верификации конкретных признаков. «Существует серьезная опасность, подстерегающая исследователя современного экономического роста, увлечься картиной сходных изменений, через которые проходят столь различные по культурным традициям общества, попытаться выстроить жесткую, обязательную для всех стран траекторию развития» [16, с. 23]. Именно поэтому инструментарий теоретического анализа следует постоянно совершенствовать, развивать традиционные и использовать новые подходы.

Цель данной научной работы — исследовать характер развития государств Прибалтики с позиций теории периферийного рынка (периферийного капитализма).

Теория периферийного капитализма: основные положения и применимость к странам Прибалтики

Все современные экономические теории в большей или меньшей степени применимы к государствам различного размера. Вместе с тем следует выделить несколько теорий, отвечающих следующим требованиям:

1) применимость к малым странам;

2) Комплексность экономической теории, возможность междисциплинарной имплементации ее результатов: то есть учет исторической специфики, географического положения, особенностей политических процессов [17, с. 60—78].

В 1960—1970-е годы в мировой социальной мысли возникло относительно новое направление — теория зависимости (dependency theory). Другие варианты названия этого течения — теория зависимого развития, зависимого капитализма, периферийного развития, периферийного капитализма. Эта теория первоначально была ориентирована на объяснение характера развития экономически слаборазвитой периферии, представленной большинством государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Дихотомия «Западная Европа — Восточная Европа» закономерно находилась за пределами данных теоретических споров. С другой стороны, провалы классической модернизации, превратившейся в Восточной Европе в вульгарную вестернизацию, требуют, с нашей точки зрения, поиска новых актуальных теоретических моделей.

Многочисленные теории зависимости исходят из того, что состояние экономики и политики той или иной страны определяется характером развития лидирующей экономики и / или экономического блока. Эти теории и среди них теория перифе-

² Брёнинг М. «Слишком немецкий, слишком западноевропейский». О выборе европейских руководителей и его влиянии на дееспособность Евросоюза. URL: https://www.ipg-journal.io/index.php?id=43&L=0&tx_news (дата обращения: 11.07.2019).

рийного капитализма предполагают, что мировая экономическая система состоит из нескольких иерархических уровней. В самом общем плане это «центр», «периферия», «полупериферия». Подобное разделение является результатом того, что «близость в географическом, культурном и организационном плане обеспечивает возможность специального доступа, особые взаимоотношения, лучшую информированность, возникновение мощных стимулов, а также другие преимущества в производительности и в росте производительности, которые сложно получить на расстоянии» [18, с. 245]. Возникает вопрос, какие расстояния имеются в виду и, самое главное, периферия — это географическое или экономическое позиционирование?

Куба, Чили, Аргентина и Мексика — в равной степени периферия американского мира. Географическое расстояние в данном случае не имеет значения. В случае периферии европейской ситуация аналогична. Соседствующая с Германией Чехия — такая же периферия, как Португалия и Эстония. Указанный тезис М. Портера не учитывает, однако, фактор постсоциалистического транзита. В контексте транзита как категории экономической и политической науки Чехия и Эстония оказываются не ближе, а дальше от европейского ядра. Последнее не отрицает зависимостей, но делает эти зависимости более разнообразными, сложными для исследования.

Теории модернизации с большими или меньшими оговорками исходят из того, что, скопировав экономические и политические институты одной страны или региона, можно добиться не только нового уровня экономического роста, но и нового качества экономического и политического развития. В противоположность им теории зависимости указывают на то, что движение государств между «центром» и «периферией» так же невозможно, как и движение человека между индийскими кастами. Классик данного теоретического направления охарактеризовал этот подход так: «...рушится миф о том, что мы (латиноамериканские страны) могли бы развиваться по образу и подобию центров» [19, р. 21].

Теория периферийного капитализма стала реакцией не на либеральные экономические подходы 1990-х, а на провалы всех теорий и практик, в том числе кейнсианских, предполагавших, что копирование институтов и импортозамещение есть способ преодоления отсталости. Краткая суть концепции модернизации в том, что в своем развитии все страны проходят через одни и те же стадии. Следовательно, с позиций теории модернизации государства периферии якобы находятся примерно в том же положении, что и развитые государства в прошлом. В качестве примера успешной модернизации указываются страны, действительно совершившие гигантский скачок в развитии, в частности Сингапур, Тайвань, Южная Корея [20—22]. По нашему мнению, это как раз то исключение, которое подтверждает правило. Более того, это движение с точки зрения уровня экономического развития не может рассматриваться как поступательное вверх. В 1945 году этих государств не существовало, а в 1975 году никто их не рассматривал как образец, если не считать образцом авторитарное правление. В случае государств Прибалтики ситуация иная.

Сторонники теории зависимого развития (периферийного развития) подвергают обоснованной критике положения концепции модернизации, утверждая, что «отстающие» страны не являются ранними или предшествующими версиями современной рыночной экономики «центра». С точки зрения последователей теории зависимости, специфика периферии и полупериферии делает их особым отдельным случаем. Такие страны обладают уникальными особенностями и структурными различиями и находятся на сугубо зависимых позициях в мировой экономической системе.

Классики теории зависимости А. Франк [23, р. 155—248] и П. Баран [24, р. 164—170] писали, что исторические корни неравенства — это относительная отсталость периферийных обществ, слабая включенность в мировое хозяйство, их неформаль-

ный статус зависимых и подчиненных партнеров. Государства, оказавшиеся в статусе «периферии», теряют способность к самостоятельному развитию, их развитие становится развитием зависимости и слаборазвитости. В целом ученые исходили из того, что «центр» заинтересован в сохранении отсталости «периферии». Аналогичным образом «полупериферия» не заинтересована в том, чтобы делиться своими конкурентными преимуществами с «периферией».

Возникает вопрос о том, как теория периферийного капитализма работает в условиях второго десятилетия XXI века? Очевидно то, что полностью, в неизменном виде она не применима, но какие коррективы следует внести? Как изменятся теоретические подходы в том случае, если объект не Уругвай / Эквадор / Колумбия, а Эстония / Латвия / Литва? В попытке ответить на данные вопросы нами предложены 14 тезисов.

1. Корректировка рассматриваемой теории связана с тем, что периферийные страны не всегда имеют формальный статус развивающихся. Страны «периферии», как и страны «центра», являются государствами с рыночной экономикой. Это тот же, а не отличный капитализм и те же законы рынка. Периферийный капитализм функционирует не по иным законам, как считали многие представители теорий периферийного капитализма. К общепризнанным элементам теоретического осмысления рыночной экономики добавляются лишь некоторые, но принципиально важные моменты. Важнейший из них — программный тезис лауреата Нобелевской премии Д. Норта, который выдвинул концепцию «path-dependency» («зависимость от ранее выбранного пути»). Под этим термином он имел в виду «последствия небольших событий и случайных обстоятельств, определяющих решения, которые, будучи приняты, направляют развитие по определенному пути» [25, р. 92]. «Ранее выбранный путь» — это, к примеру, транзитно-транспортные функции экономики, которые могут исчезнуть, но при этом заданная ими модель экономики остается.

2. В настоящее время мы обязаны учитывать не только экономику производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, но и оказание услуг, в том числе в финансовой и образовательной сферах. Речь идет о таких услугах, которые связаны с формированием значительной добавленной стоимости и свидетельствует о высоком, непериферийном статусе той или иной страны. Естественно, классический туризм: «пляж — замок — ресторан» сюда не входит.

3. Обратимся к тезису, постулированному достаточно давно Т. Дус Сантусом: «Отношения взаимозависимости между двумя или большим количеством экономик приобретают форму зависимости в тех случаях, когда некоторые страны (господствующие) могут расширяться и быть самодостаточными, тогда как другие страны (зависимые) могут осуществлять это лишь таким образом, который является реакцией на экспансию первой группы стран» [26]. Конечно, в 1970-е годы этот подход не мог быть акцептирован применительно к разделенной Европе.

Сейчас ситуация иная. Иными словами, у «периферии» и «полупериферии» появляются дополнительные возможности. Эти возможности возникают в период поступательного роста «центра», его политического и экономического могущества. Применительно к государствам Прибалтики мы видим это очень отчетливо. Европейское объединение образца 1993 и 2003 годов обладало максимумом привлекательности [27]. Стремления эстонцев, латышей и литовцев, вероятно, были бы иными, если бы речь шла о Европейском союзе 2019 года.

4. Неравномерность экономического роста, равно как и всеобщее равенство невозможны как между людьми, так и между государствами. Теории зависимости не отрицают этого обстоятельства. Речь идет о другом: господствующие в мировой экономике подходы неизбежно провоцируют рост диспропорций между «центром», «полупериферией» и «периферией». «Центр» получает гарантированные преимуще-

щества за счет установления «правил игры» в мировой экономике, миграции, диффузии инноваций, «ножниц цен» [28]. Если же правила игры перестают устраивать «центр» он их меняет, так как это его монопольное право. В 1970-е и 1980-е годы это было неочевидным, сохранялась иллюзия несправедливых, но все-таки постоянных правил.

5. Вновь стали актуальны стратегии кейнсианского типа, связанные с импорто-замещающей индустриализацией [29—31].

Протекционизм во внешней торговле, позиционируемый как механизм содействия структурным преобразованиям и удержание внутреннего спроса в государственных границах, оказался неожиданно актуален даже для «центра» [32—34].

6. На примере приведенной группы теорий видно то, что в отличие от 1960-х и 1970-х годов практически все экономические концепции получили междисциплинарное прочтение и столь же междисциплинарную критику [35].

7. Значимой теоретической проблемой стала различие теорий зависимости и концепций стадильности, теории эшелонов развития капитализма, например А. Гершенкрона, согласно которой путь развития страны «запрограммирован» задолго до построения современной рыночной экономики. При этом теория эшелонов очень интересна именно применительно к Восточной Европе, в частности к Прибалтике [36]. Нетрудно заметить, что страны, которых не существовало юридически в период формирования капитализма, не могли прийти к капитализму самостоятельно (первый эшелон), либо же внешнее влияние на них инициировало внутренние источники саморазвития (второй эшелон), либо капитализм был привнесен (третий эшелон) [37]. Сразу отметим, с нашей точки зрения, случай Прибалтики — второй или третий вариант.

8. Серьезной проблемой указанного научного подхода было то, что его основные разработчики представляли Латинскую Америку и именно ее считали «периферией». Подобный подход вызывает вопросы и сегодня, тем более, он вызывал вопросы 45 лет назад. Если Латинская Америка — «периферия», то как в таком случае охарактеризовать значительную часть Азии, Африку? Сама по себе задача уложить все многообразие национальных экономик в категории «центр» и «периферия» конструктивна, но достаточно сложна [38].

9. Гипотеза Пребиша — Зингера, без которой теория периферийного капитализма не существует, часто подвергается критике. Она была сформулирована для «идеальной» рыночной экономики, не учитывала или мало учитывала влияние политических факторов. Напомним, что классическая версия гипотезы Зингера — Пребиша предполагает, что основные выгоды от международной торговли извлекают страны-производители конечной продукции, тогда как сырьевые экономики, импортирующие эту продукцию, неизбежно ухудшают свое положение. Гипотеза Зингера — Пребиша концентрировалась на анализе цен на сельскохозяйственные и частично промышленные товары. Дорогое сырье и частично топливо, равным образом, как и услуги, практически не учитывались. Долгое время шли активные споры относительно верификации этой гипотезы, превращения ее в теорию. В фундаментальном исследовании Международного валютного фонда (2012) были прослежены колебания цен на сырье с 1650 года. В результате подтвердилось, что в долгосрочной перспективе цены на любой вид сырья снижаются по сравнению с ценами на промышленные товары [39, с. 12].

Наша концепция заключается в том, что гипотеза Зингера — Пребиша работает и применительно к сфере услуг. В этом случае «центр» является распорядителем тех видов деятельности, которые приносят максимальную прибыль. Прежде всего речь идет о мощном комплексе финансовых услуг. Иные виды сервиса, заведомо менее рентабельные или даже убыточные, формируются и функционируют на «периферии».

Приведем пример, ставший для Эстонии и Латвии классическим. Речь идет о том, что за прошедшие 30 лет все попытки государства и национального бизнеса создать национальную финансовую систему оказались безуспешными [40]. При этом все происходило в рамках формального соблюдения законов рынка, при относительно небольшом административном давлении, а главное — при отсутствии у эстонского и латвийского государств желания защитить национальные банки. В результате скандинавским банкам — проверенным агентам глобальной финансовой системы — оказались не нужны конкуренты или даже помощники на территории Эстонии и Латвии. Результат — олигополия *Nordea — SEB (Skandinaviska Enskilda Banken) — Swedbank*. Однако и такая ситуация устраивала власти Эстонии и Латвии. Инициированные США расследования деятельности европейских банков, в частности латвийского *ABLV*, привели к краху последнего крупного банка с национальным капиталом. Ликвидированы литовский *Ukio Bankas* и латвийский *Trasta Komercbank*. В контексте данной статьи важно другое. Банки Швеции и Дании, столкнувшись с давлением европейских регуляторов и претензиями Министерства финансов США, начали сворачивать свою деятельность в странах Прибалтики, аккумулируя прибыль и по возможности сбрасывая убытки на местные финансовые институты.

В 2018—2019 годах ситуация в банковском секторе стран Прибалтики вновь ухудшилась. Американская администрация обвинила местные банки и филиалы скандинавских банков в работе со средствами неясного происхождения³. В результате 9 февраля 2019 года руководство крупнейшего коммерческого банка Дании *Danske Bank* объявило о решении свернуть деятельность в странах Прибалтики. Шведские банки теряют в стоимости акций и также стоят перед выбором: уйти с моральными потерями или остаться с материальными.

10. Укажем на то, что «смысл теории Path Dependency в том, что возможности выбора, который делается “здесь и сейчас”, жестко детерминированы выбором, сделанным “где-то и когда-то раньше”» [41, с. 36]. Для Прибалтики это определяющий фактор. Экономические решения предопределены политикой, причем текущей, но и она, в свою очередь, сформирована на базе исторических прецедентов. Такая ситуация предусмотрена в теории, но ее применимость различна и зависит от масштаба [42].

11. Взаимодействие формальных и неформальных экономических и политических институтов крайне важно в рамках теории зависимости. Если формальные институты с тем или иным успехом могут быть имплантированы из чужеродной среды, то неформальные, как правило, вырастают на собственной почве. «Неразвитые формальные институты в сочетании с сильными неформальными институтами (в большей степени) и некоторыми маргинальными формальными нормами (в меньшей степени) могут породить институциональных мутантов»⁴. Именно это и происходит в Прибалтике. При этом институциональные мутанты трудно диагностируются, так как обладают всеми внешними признаками эффективных институтов «центра».

12. Какие еще признаки локального, то есть периферийного рынка мы видим в государствах Прибалтики? Прежде всего это комплекс признаков, характерных для малых стран вообще, безотносительно к Балтийскому региону. Главным образом это дефицит капитала и знаний [43]. Вместо планировавшихся инвестиций в Эстонию компания *Apple* разместит свои деньги в Дании и Ирландии. Причи-

³ *Ewing J.* Sanctions on Russia and North Korea Put Tiny Latvia in U.S. Cross Hairs URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/17/business/latvia-money-laundering.html> (дата обращения: 15.06.2019).

⁴ *Малкина М.Ю.* Объяснение «path dependence» с различных позиций. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16213320> (дата обращения: 14.05.2019).

на такого решения — высокая стоимость эстонской электроэнергии и отсутствие у местных чиновников желания пойти навстречу интересам инвестора, сообщает газета *Eesti Ekspress (EE)*⁵. Также *Apple* отказалась от строительства своего индустриального парка в эстонском городе Палдиски. Как писали ранее эстонские СМИ, инвестиции должны были составить около 1 млрд евро⁶. На этом фоне позиционирование эстонской фирмы *Nortal*, работающей в той же сфере, как «гиганта в общей истории успеха» выглядит неубедительно (в мае 2019 года «ИТ-гигант» *Nortal* привлек 50 млн евро в ходе эмиссии облигаций⁷).

Компетенции, необходимые для эффективного развития в третьей — четвертой промышленной революции, являются важнейшей частью социального капитала любого государства [44; 45].

СССР «оставил» значительную часть технологических и кадровых компетенций в Литве для атомной энергетики, в Латвии — для автопрома, железнодорожного машиностроения, в Эстонии — для точного машиностроения, сланцевых химии. Все они в большей или меньшей степени утрачены. «Ситуацию можно назвать депрессивной. Без сильной фундаментальной науки нет сильного высшего образования, нет бизнеса с высокой добавочной стоимостью и, в конце концов, нет наукоемкой Эстонии»⁸.

13. Для периферийных экономик в теории выгодно выведение части производств (как правило, деталей, узлов и агрегатов, а не конечная сборка) из высокоразвитого «центра». В случае европейской «периферии» этот процесс имеет определенную географическую специфику [46; 47]: из Швеции в Эстонию, из Германии в Литву и т.д. Близость с точки зрения расстояния позволяет оперировать не очень большой дельтой в зарплатах и налогах. Таким образом, во внутриевропейских экономических отношениях подтверждается знаменитый тезис директора Центра Фердинанда Броделя по изучению экономики, исторической системы и цивилизаций И. Валлерстайна. Напомним, что И. Валлерстайн утверждал, что начавшееся в 1970-е годы перенесение промышленных предприятий в полупериферийные страны было связано с уменьшением затрат на оплату труда, а также с политикой перенесения затрат по утилизации производства на периферию экономических регионов, с сокращением издержек по восстановлению сырьевой базы и сокращением налогов [48, с. 18]. В случае стран Прибалтики это один из наиболее значимых моментов, подтверждающих возможность применения теории периферийного капитализма к данному объекту.

14. Концепция «ловушки среднего дохода» имеет прямое отношение не только к Чили или Бразилии [49]. Ее теоретическое содержание общеизвестно, поэтому в данной статье обратимся только к одному вопросу, обсуждаемому теоретиками и практиками: не является ли выходом удержание роста зарплат? В странах Прибалтики — части ЕС, где зарплаты и так меньше средних по союзу, этот подход не работает. Показательна позиция влиятельного эстонского бизнесмена Райво Варе: «...хотя зарплаты растут опережающими темпами, а наша конкурентоспособность в структуре экономики падает, все равно этого мало, так как мы уже психологически находимся в сфере притяжения общества достатка Скандинавских стран. Под

⁵ Высокая стоимость электроэнергии и пассивность чиновников лишили Эстонию 1 млрд евро. URL: http://prosvet.ee/ArtNews9.aspx?news_id=12615&news_type (дата обращения: 15.06.2019).

⁶ *Apple* отказалась от планов строительства серверного парка в Палдиски. URL: <https://rus.err.ee/235438/smi-apple-otkazalsja-ot-planov-stroitelstva-servernogo-parka-v-paldiski> (дата обращения: 10.06.2019).

⁷ Глава *Nortal*: для банков Эстонии мы слишком велики. URL: <https://www.dv.ee/intervju/2019/06/09/glava-nortal-dlja-bankov-jestonii-my-slishkom-veliki> (дата обращения: 12.07.2019).

⁸ Доктор наук: политики должны отвечать за свои слова. URL: <https://www.dv.ee/mnenija/2019/05/28/doktor-nauk-politiki-dolzny-otvechat-za-svoi-slova> (дата обращения: 15.06.2019).

эту психологию подстраиваются политики, которые обречены делать то, что они делают»⁹. Иными словами, для Прибалтики проблемой являются не только объективные финансовые показатели, но и элементы психологической зависимости от географически близких, но экономически далеких моделей [50; 51].

Заключение

Авторы исходят из того, что любая теоретическая концепция, объясняющая тенденции развития отдельного региона в контексте глобальной экономики, в целом может оказаться истинной в одной географической привязке и ложной в другой. Теория периферийного капитализма не может быть целиком *ad hoc* примененной в другом регионе и на другом этапе развития глобальной экономики. С другой стороны, данный исследовательский подход способен принести неожиданный результат и задать новый ракурс анализа для, казалось бы, традиционных объектов исследования.

Страны Прибалтики — участники мощного европейского интеграционного проекта [52 — 54]. Однако именно этот экономический и географический масштаб предполагает наличие сложной внутренней структуры, где «все равны, но некоторые равнее других». С теоретической точки зрения это норма, объективная реальность функционирования любого крупного экономического и политического объединения, в котором есть экономический и политический центры и периферия. «Периферия выступает как зависимая территория, которая контролирует в лучшем случае только свои ресурсы и испытывает влияние случайностей даже на дальних рынках» [55, р. 5]. Классический пример — цены на свинину в Эстонии и их зависимость от эпидемий в Китае¹⁰. При этом периферия может иметь высокую статусность в собственных глазах и даже в глазах союзников и партнеров, а также неплохие текущие показатели экономического развития. Мощные европейские механизмы выравнивания постоянно корректируют и маскируют картину, но, с нашей точки зрения, в Эстонии, Латвии и Литве фиксируется ситуация, практически полностью вписывающаяся в постулаты теории периферийного капитализма. Любой кризис, как локальный, так и глобальный, неизбежно «уберет» маскирующие факторы, и тогда вновь возникнет вопрос, «что делать с конфликтной и проблемной периферией?» [56, с. 4], вопрос, имеющий различные ответы в зависимости от масштаба.

Эффективное развитие Европы в условиях взаимовыгодного сотрудничества с США, Китаем, Россией могло бы привести к решению проблем реального единства франко-германского ядра и восточной (южной) «периферии» [57; 58]. В этом случае страны Прибалтики оказались бы в центре пространства экономического сотрудничества не только Европы, но и Азии «разных скоростей», возможно, при открытом признании данного подхода или молчаливом консенсусе лидеров.

Впрочем, вероятность подобного сценария минимальна. Именно поэтому Эстония, Латвия и Литва обречены на постепенное, хотя и медленное упрощение структуры экономики (особенно в секторах, не пользующихся системной поддержкой Брюсселя), потерю компетенций в высоко- и среднетехнологичных сферах, гипертрофированное развитие сферы услуг.

⁹ *Vare P.* Последствия охоты на гастарбайтеров для эстонской экономики могут быть непредсказуемыми. URL: https://rus.postimees.ee/6732813/rayvo-vare-posledstviya-ohoty-na-gastarbayterov-dlya-estonskoy-ekonomiki-mogut-byt-nepredskazuemymi?utm_campaign=20190719&utm_content=2&utm_medium=email&utm_source=rus.postimees.ee (дата обращения: 18.07.2019).

¹⁰ *Подорожает* ли свинина в Эстонии из-за болезни животных в Китае. URL: <https://ee.sputniknews.ru/economy/20190719/17223981/Podorozhaet-li-svinina-v-Estonii-iz-za-bolezni-zhivotnykh-v-Kitae.html> (дата обращения: 15.06.2019).

Позиция авторов заключается в том, что периферийное положение в географическом, экономическом и политическом смыслах — фактор, крайне медленно влияющий на экономическое развитие. Однако без масштабного мирового кризиса качественной реконструкции ставшей традиционной для стран Прибалтики модели не произойдет. Именно это подсказывает нам латиноамериканский опыт. Чрезвычайные ситуации эпидемиологического и / или экономического характера — серьезный повод для проверки прибалтийской экономической модели, в том числе ее теоретической природы и практик реализации.

Список литературы

1. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2. С. 64—75.
2. Hernández E., Kriesi H. Turning your back on the EU. The role of Eurosceptic parties in the 2014 European Parliament elections // Electoral Studies. 2016. Vol. 44. P. 515—524. doi: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.04.013>.
3. Hobolt S.B., De Vries C. Turning against the Union? The impact of the crisis on the Eurosceptic vote in the 2014 European Parliament elections // Electoral Studies. 2016. Vol. 44. P. 504—514. doi: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.05.006>.
4. Stojčić N., Aralica Z., Anić I.-D. Spatio-temporal determinants of the structural and productive transformation of regions in Central and East European countries // Economic Systems. 2019. Vol. 43. P. 3—4. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2019.100715>.
5. Gomułka S. Poland's economic and social transformation 1989—2014 and contemporary challenges // Central Bank Review. 2016. Vol. 16. P. 19—23. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cbrev.2016.03.005>.
6. Межевич Н.М. Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 7—18. doi: <https://doi.org/doi:10.5922/2074-9848-2015-2-1-3>.
7. Уайт С. Европейский союз, Восточная Европа и «империализм ценностей» // Вестник МГИМО — Университета. 2014. № 4 (37). С. 116—124.
8. Ланко Д. Постсоветская трансформация Эстонии: модернизация или мимикрия? СПб., 2016.
9. Смирнов В.А. К вопросу о роли элит в евроатлантическом выборе Литвы // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2017. № 2. С.17—24.
10. Малинова О. Другой взгляд на «транзит», или о пользе и вреде повествовательных схем // Космополис. 2002—2003. № 2. С. 139—148.
11. Примаков Е.М. 2013: тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолiberaлов // Российская газета — Столичный выпуск. 2014. № 5 (6277). URL: <https://rg.ru/2014/01/13/primakov.html> (дата обращения: 23.05.2019).
12. Фурчери Д., Лунгани П. Открывая возможности для неравенства // Финансы и развитие. 2016. Вып. 53, № 1. С. 43—46.
13. Furceri D., Loungani P. Capital Account Liberalization and Inequality. Washington, 2015. doi: <http://dx.doi.org/10.5089/9781513531083.001>.
14. Вудрафф Д.М. Власть и процветание: перерастание коммунистических и капиталистических диктатур // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2001. № 2 (35). С. 213—219.
15. Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. М., 2003.
16. Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста // Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 20—39.
17. Максимцев И.А., Межевич Н.М., Королева А.В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 60—78. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-1-4>.
18. Портер М. Конкуренция М., 2001.
19. Prebish R. Peripheral Capitalism: Does it have an alternative? // Capitalismo periferico. Crisis y transformacion. М., 1992.

20. Wang J. Innovation and government intervention: A comparison of Singapore and Hong Kong // *Research Policy*. 2018. Vol. 47, № 2. P. 399—412. doi: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2017.12.008>.
21. Alba J.D., Liu J., Chia W.-M., Park D. Foreign output shock in small open economies: A welfare evaluation of monetary policy regimes // *Economic Modelling*. 2020. Vol. 86. P. 101—116. doi: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.06.005>.
22. Branstetter L.G., Kwon N. South Korea's transition from imitator to innovator: The role of external demand shocks // *Journal of the Japanese and International Economies*. 2018. Vol. 49. P. 28—42. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jjie.2018.01.004>.
23. Frank A.G. A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History // *Review*. 1990. Vol. 13. P. 155—248.
24. Baran P.A. The Political Economy of Growth // *The American Economic Review*. 1958. Vol. 48, № 1. P. 164—170.
25. North D.N. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press, 1992.
26. Дус Сантус Т. Структура зависимости // *Скепсис*. 2008. № 5. URL: http://scepsis.net/library/id_2297.html (дата обращения: 18.07.2019).
27. Campos N.F., Coricelli F., Moretti L. Institutional Integration and Economic Growth in Europe // *Journal of Monetary Economics*. 2018. Vol. 103. P. 88—104. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2018.08.001>.
28. Landesmann M.A., Stöllinger R. Structural change, trade and global production networks: An 'appropriate industrial policy' for peripheral and catching-up economies // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2019. Vol. 48. P. 7—23. doi: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2018.04.001>.
29. Gaysset I., Lagoarde-Segot T., Neaime S. Twin deficits and fiscal spillovers in the EMU's periphery. A Keynesian perspective // *Economic Modelling*. 2019. Vol. 7. P. 101—116. doi: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2018.07.023>.
30. Rupert P., Šustek R. On the mechanics of New-Keynesian models // *Journal of Monetary Economics*. 2019. Vol. 102. P. 53—69. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2019.01.024>.
31. Jump R.C., Levine P. Behavioural New Keynesian models // *Journal of Macroeconomics*. 2019. Vol. 59. P. 59—77. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2018.11.002>.
32. Grundke R., Moser C. Hidden protectionism? Evidence from non-tariff barriers to trade in the United States // *Journal of International Economics*. 2019. Vol. 117. P. 143—157. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2018.12.007>.
33. Basu K. The rise of Trump and an agenda for regulatory reform // *Journal of Policy Modeling*. 2018. Vol. 40, № 3. P. 546—558. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jpplmod.2018.03.007>.
34. Steinberg J.B. Brexit and the macroeconomic impact of trade policy uncertainty // *Journal of International Economics*. 2019. Vol. 117. P. 175—195. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2019.01.009>.
35. *Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза : сб. ст. норвежских политологов / под ред. С.У. Ларсена. М., 2009.*
36. Dombi A., Grigoriadis T. State history and the finance-growth nexus: Evidence from transition economies // *Economic Systems*. 2020. Vol. 44, № 1. doi: <https://doi.org/10.1016/j.eco-sys.2019.100738>.
37. Herschenkron A. *The Approach to European Industrialization: a Postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge, 1962.
38. Veltmeyer H. Latin America in the vortex of social change: Development and social movement dynamics // *World Development*. 2020. Vol. 130. doi: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.104916>.
39. Ореховский П.А. Прерывистый тренд развития структурализма: альтернативная традиция экономического анализа : доклад. М., 2016.
40. Agoraki M.-E.K., Kouretas G.P., Triantopoulos C. Democracy, regulation and competition in emerging banking systems // *Economic Modelling*. 2020. Vol. 84. P. 190—202. doi: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.04.009>.

41. Латов Ю.В. Теория зависимости от предшествующего развития в контексте институциональной экономической истории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3, № 3. С. 36—43.
42. Puffert D.J. Path Dependence, Network Form and Technological Change // History Matters: Essays on Economic Growth, Technology and Demographic Change / ed. by W. Sundstrom, T. Guinnane, W. Whatley. Stanford, 2003.
43. Schiermeier Q. How Estonia blazed a trail in science. A small nation found strength in research after joining the European Union // Nature. 2019. Vol. 565. P. 416—418. doi: 10.1038/d41586-019-00209-7.
44. Nuvolari A. Understanding successive industrial revolutions: A «development block» approach // Environmental Innovation and Societal Transitions. 2019. Vol. 32. P. 33—44. doi: <https://doi.org/10.1016/j.eist.2018.11.002>.
45. Tobon-Valencia E., Lamouri S., Pellerin R. et al. Production Planning in the Fourth Industrial Revolution: A Literature Review // IFAC-PapersOnLine. 2019. Vol. 52, № 13. P. 2158—2163. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2019.11.525>.
46. Rosik P., Pomianowski W., Komornicki T. et al. Regional dispersion of potential accessibility quotient at the intra-European and intranational level. Core-periphery pattern, discontinuity belts and distance decay tornado effect // Journal of Transport Geography. 2020. Vol. 82. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2019.102554>.
47. Ahlborn M., Wortmann M. The core-periphery pattern of European business cycles: A fuzzy clustering approach // Journal of Macroeconomics. 2018. Vol. 55. P. 12—27. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2017.08.002>.
48. Валлерстайн И. Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. 2000. № 2. С. 14—26.
49. Bresser-Pereira L.C., Araújo E.C., Costa Peres S. An alternative to the middle-income trap // Structural Change and Economic Dynamics. 2020. Vol. 52. P. 294—312. doi: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2019.11.007>.
50. Wiborg Ø.N., Hansen M.N. The Scandinavian model during increasing inequality: Recent trends in educational attainment, earnings and wealth among Norwegian siblings // Research in Social Stratification and Mobility. 2018. Vol. 56. P. 53—63. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2018.06.006>.
51. Benešová I., Smutka L. The Post-soviet Countries — Development and Structure of Economy: Is there any Potential for Future Regional Integration? // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 220. P. 30—39. doi: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.05.466>.
52. Cutrini E. Economic integration, structural change, and uneven development in the European Union // Structural Change and Economic Dynamics. 2019. Vol. 50. P. 102—113. doi: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2019.06.007>.
53. Siksnelyte I., Zavadskas E.K., Bausys R., Streimikiene D. Implementation of EU energy policy priorities in the Baltic Sea Region countries: Sustainability assessment based on neutrosophic MULTIMOORA method // Energy Policy. 2019. Vol. 125. P. 90—102. doi: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.10.013>.
54. Studzieniecki T. The Development of Cross-border Cooperation in an EU Macroregion — A Case Study of the Baltic Sea Region // Procedia Economics and Finance. 2016. Vol. 39. P. 235—241. doi: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30318-5](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30318-5).
55. Rokkan S., Urwin D.W. Centres and Peripheries in Western Europe // The Politics of territorial Identity. Studies in European Regionalism // ed. by S. Rokkan, D.W. Urwin. L. ; Beverly Hills ; New Delhi, 1982.
56. Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: рабочая тетрадь № 18. 2014 / под ред. И.С. Иванова ; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2014.
57. Mínarčíková E. EU-China cooperation on regional policy // Perspectives in Science. 2016. Vol. 7. P. 30—38. doi: <https://doi.org/10.1016/j.pisc.2015.11.007>.
58. Gustafsson Å. The Baltic Sea Region Border Control Cooperation (BSRBCC) and border management in the Baltic Sea region: A case study // Marine Policy. 2018. Vol. 98. P. 309—316. doi: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2018.09.028>.

Об авторах

Игорь Анатольевич Максимцев, доктор экономических наук, ректор, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: rector@unecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9046-9114>

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>

Наталья Павловна Сирота, кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: snp@unecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2736-9986>

THE THEORY OF PERIPHERAL CAPITALISM: ON THE APPLICABILITY OF THE LATIN AMERICAN MODEL TO THE BALTIC STATES. AN ATTEMPT AT AN INTER-DISCIPLINARY ANALYSIS

I. A. Maksimtsev^a

N. M. Mezhevich^b

N. P. Sirota^a

^a Saint Petersburg State University of Economics
21 Sasdovaya St, St Petersburg 191023, Russia

^b Institute of Europe Russian Academy of Sciences
11–3 Mokhovaya St, Moscow 125009, Russia

Received 01.08.2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-2-7

© Maksimtsev, I. A., Mezhevich, N. M.,
Sirota, N. P., 2020

The relevance of this study of post-Soviet transition lies in the focus on the technically theoretical problems that are nevertheless the key to understanding regional development processes in the East of the Baltic Sea. The research aims to verify the theory of peripheral capitalism as applied to the Baltic States. The first theoretical objective is to draw a distinction between the ideas of modernisation and transformation in a regional context. The second objective is to adjust the theory of peripheral capitalism to smaller states. To study the features of the transformation of economic and political systems in the Baltics, this article conducts comparative analysis. Systemic analysis and the principles of theoretical and empirical analysis are used as well. Building on this work, the study identifies the deficiencies of the theoretical and methodological potential of transition studies. These include claims that the theoretical and methodological potential of transition as applied to post-Socialist and post-

To cite this article: Maksimtsev, I. A., Mezhevich, N. M., Sirota, N. P. 2020, The theory of peripheral capitalism: on the applicability of the Latin American model to the Baltic States. An attempt at an inter-disciplinary analysis, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 2, p. 100–117. doi: 10.5922/2078-8555-2020-2-7.

Soviet Europe has been completely fulfilled. Geographical differences between Latin America and the Baltic States are so obvious that they eclipse economic similarities between the processes and development models characteristic of the two regions of the world. An analysis of current developments in Latin America makes it possible to forecast the economic and, to a degree, political consequences of the trends that are just emerging in the Baltics. This article seeks to prove the above thesis.

Keywords:

transit, transformation, modernisation, theory of peripheral Latin American capitalism, Estonia, Latvia, Lithuania

References

1. Melvil, A.Yu. 2004, On the trajectories of post-communist transformations, *Polis*, no 2, pp.64—75 (in Russ).
2. Hernández, E. Kriesi, H. 2016, Turning your back on the EU. The role of Eurosceptic parties in the 2014 European Parliament elections. *Electoral Studies*, no. 44, p. 515—524. doi: 10.1016/j.electstud.2016.04.013.
3. Hobolt, S.B., De Vries, C. 2016, Turning against the Union? The impact of the crisis on the Eurosceptic vote in the 2014 European Parliament elections, *Electoral Studies*, no 44, p. 504—514. doi: 10.1016/j.electstud.2016.05.006.
4. Stojčić, N., Aralica, Z., Anić, I.-D. 2019, Spatio-temporal determinants of the structural and productive transformation of regions in Central and East European countries, *Economic Systems*, no. 43, p.3—4. doi: 10.1016/j.ecosys.2019.100715.
5. Gomułka, S. 2016, Poland's economic and social transformation 1989—2014 and contemporary challenges, *Central Bank Review*, vol. 16, p. 19—23. doi: 10.1016/j.cbrev.2016.03.005.
6. Mezhevich, N.M. 2015, Russia and the Baltic States: Some Results and a Few Perspectives, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—12. doi: 10.5922/2079-8555-2015-2-1.
7. White, S. 2014, European Union, Eastern Europe and “Imperialism of Values”, *MGIMO Review of International Relations*, no. 4, p. 116—124 (in Russ).
8. Lanko, D. 2016, *Postsovetskaya transformatsiya Estonii: modernizatsiya ili mimikriya?* [Post-Soviet Transformation of Estonia: Modernization or Mimicry?], St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 52 p. (in Russ).
9. Smirnov, V.A. 2017, On the role of elites in the Euro-Atlantic choice of Lithuania, *Vestnik RGGU. Seriya Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series Political Science. Story. International relationships], no. 2, p. 17—24 (in Russ).
10. Malinova, O. 2002—2003, Another look at “transit,” or about the benefits and harms of narrative schemes, *Cosmopolis*, no. 2, p. 139—148 (in Russ).
11. Primakov, E.M. 2014, 2013: difficult problems of Russia. Why today it is impossible to agree with the policy of neoliberals, *Rossiiskaya gazeta — Stolichnyi vypusk* [Russian newspaper — Capital issue], January 14, 2014, no. 5(6277), available at: <https://rg.ru/2014/01/13/primakov.html> (accessed 23.05.2019) (in Russ).
12. Furcheri, D., Lungani, P. 2016, Opening up opportunities for inequality, *Finansy i razvitie* [Finance and Development], vol. 53, no. 1, p. 43—46 (in Russ.).
13. Furceri, D., Loungani, P. 2015, Capital Account Liberalization and Inequality, *IMF Working Paper*, no. 15/243, Washington, p. 25. doi: 10.5089/9781513531083.001.
14. Vudraff, D.M. 2001, Power and Prosperity: The Outgrowth of Communist and Capitalist Dictatorships, *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeskoe obozrenie* [Constitutional Law: Eastern European Review], no. 2 (35), p. 213—219 (in Russ).
15. Fridmen, M., Khaiek, F. 2003, *O svobode. V serii «Filosofiya svobody»* [About freedom. In the series “Philosophy of Freedom”], no. II, Moscow, s182 p. (in Russ).
16. Gaidar, E.T. 1996, Anomalies of Economic Growth, *Voprosy ekonomiki*, no. 12, p. 20—39 (in Russ.).
17. Maksimtsev, I.A., Mezhevich, N.M., Koroleva, A.V. 2017, Economic Development of the Baltic and Nordic Countries: Characteristics of Economic Models, *Balt. Reg.*, vol. 9, no. 1, p. 60—78. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-4.

18. Porter, M. 1998, *On Competition*.
19. Prebisch, R. 1981, *Peripheral Capitalism: Does it have an alternative?* Mexico, Fondo de Cultura Economica.
20. Wang, J. 2018, Innovation and government intervention: A comparison of Singapore and Hong Kong, *Research Policy*, vol. 47, no. 2, p. 399—412. doi: 10.1016/j.respol.2017.12.008.
21. Alba, J.D., Liu, J., Chia, W.-M., Park, D. 2020, Foreign output shock in small open economies: A welfare evaluation of monetary policy regimes, *Economic Modelling*, no. 86, p. 101—116. doi: 10.1016/j.econmod.2019.06.005.
22. Branstetter, L.G., Kwon, N. 2018, South Korea's transition from imitator to innovator: The role of external demand shocks, *Journal of the Japanese and International Economies*, no. 49, p. 28—42. doi: 10.1016/j.jjie.2018.01.004.
23. Frank, A.G. 1990, A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History, *Review*, vol. 13, no. 2, p. 155—248.
24. Baran, P.A. 1958, The Political Economy of Growth, *The American Economic Review*, vol. 48, no. 1, p. 164—170.
25. North, D.N. 1992, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge University Press, p. 92.
26. Dus Santus Teotoniu Struktura zavisimosti, 2008, *Skepsis*, no. 5, available at: http://sceptis.net/library/id_2297.html (accessed 18.07.2019) (in Russ.).
27. Campos, N.F., Coricelli, F., Moretti, L. 2018, Institutional Integration and Economic Growth in Europe, *Journal of Monetary Economics*, no. 103, May, p. 88—104. doi: 10.1016/j.jmoneco.2018.08.001.
28. Landesmann, M.A., Stöllinger, R. 2019, Structural change, trade and global production networks: An 'appropriate industrial policy' for peripheral and catching-up economies, *Structural Change and Economic Dynamics*, no. 48, p. 7—23. doi: 10.1016/j.strueco.2018.04.001.
29. Gaysset, I., Lagoarde-Segot, T., Neaime, S. 2019, Twin deficits and fiscal spillovers in the EMU's periphery, *A Keynesian perspective*, *Economic Modelling*, no. 76, p. 101—116. doi: 10.1016/j.econmod.2018.07.023.
30. Rupert, P., Šustek, R. 2019, On the mechanics of New-Keynesian models, *Journal of Monetary Economics*, no. 102, p. 53—69. doi: 10.1016/j.jmoneco.2019.01.024.
31. Jump, R.C., Levine, P. 2019, Behavioural New Keynesian models, *Journal of Macroeconomics*, no. 59, p. 59—77. doi: 10.1016/j.jmacro.2018.11.002.
32. Grundke, R., Moser, C. 2019, Hidden protectionism? Evidence from non-tariff barriers to trade in the United States, *Journal of International Economics*, no. 117, p. 143—157. doi: 10.1016/j.jinteco.2018.12.007.
33. Basu, K. 2018, The rise of Trump and an agenda for regulatory reform, *Journal of Policy Modeling*, vol. 40, no. 3, p. 546—558. doi: 10.1016/j.jpolmod.2018.03.007.
34. Steinberg, J.B. 2019, Brexit and the macroeconomic impact of trade policy uncertainty, *Journal of International Economics*, no. 117, p. 175—195. doi: 10.1016/j.jinteco.2019.01.009.
35. Larsen, S.U. (ed.) 2009, *Teoriya i metody v sovremennoi politicheskoi nauke: pervaya popytka teoreticheskogo sinteza: sbornik statei norvezhskikh politologov* [Theory and methods in modern political science: the first attempt at theoretical synthesis: a collection of articles by Norwegian political scientists] Moscow, 750 p. (in Russ.).
36. Dombi, A., Grigoriadis, T. 2020, State history and the finance-growth nexus: Evidence from transition economies, *Economic Systems*, vol. 44, no. 1. doi: 10.1016/j.ecosys.2019.100738.
37. Herschenkron, A. 1962, The Approach to European Industrialization: a Postscript, In: *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays* Cambridge (Mass.), Harvard University Press.
38. Veltmeyer, H. 2020, Latin America in the vortex of social change: Development and social movement dynamics. *World Development*, no. 130. doi: 10.1016/j.worlddev.2020.104916.
39. Orekhovskiy, P.A., 2016, Preryvisty trend razvitiya strukturalizma: al'ternativnaya traditsiya ekonomicheskogo analiza: Doklad [The Intermittent Trend of Structuralism: An Alternative Tradition of Economic Analysis: Report], Moscow, 47 p. (in Russ.).
40. Agoraki, M.-E.K., Kouretas, G.P., Triantopoulos, C. 2020, Democracy, regulation and competition in emerging banking systems, *Economic Modelling*, no. 84, p. 190—202. doi: 10.1016/j.econmod.2019.04.009.

41. Latov, Yu.V. 2005, Theory of dependence on previous development in the context of institutional economic history, *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Bulletin of Rostov State University], vol. 3, no. 3, p.36—43 (in Russ).
42. Puffert, D.J. 2003, Path Dependence, Network Form and Technological Change. In: Sundstrom, W., Guinnane, T., Whatley, W. (eds.) *History Matters: Essays on Economic Growth, Technology and Demographic Change*, Stanford, Stanford University Press, p.263.
43. Schiermeier, Q. 2019, How Estonia blazed a trail in science. A small nation found strength in research after joining the European Union, *Nature*, vol. 565, p. 416—418. doi: 10.1038/d41586-019-00209-7.
44. Nuvolari, A. 2019, Understanding successive industrial revolutions: A “development block” approach, *Environmental Innovation and Societal Transitions*, no. 32, p. 33—44. doi: 10.1016/j.eist.2018.11.002.
45. Tobon-Valencia, E., Lamouri, S., Pellerin, R., Dubois, P., Moeuf, A. 2019, Production Planning in the Fourth Industrial Revolution: A Literature Review, *IFAC-PapersOnLine*, vol. 52, no. 13, p. 2158—2163. doi: 10.1016/j.ifacol.2019.11.525.
46. Rosik, P., Pomianowski, W., Komornicki, T., Goliszek, S., Szejgiec-Kolenda, B., Duma, P. 2020, Regional dispersion of potential accessibility quotient at the intra-European and intranational level. Core-periphery pattern, discontinuity belts and distance decay tornado effect, *Journal of Transport Geography*, no. 82. doi: 10.1016/j.jtrangeo.2019.102554.
47. Ahlborn, M., Wortmann, M. 2018, The core-periphery pattern of European business cycles: A fuzzy clustering approach, *Journal of Macroeconomics*, no. 55, p. 12—27. doi: 10.1016/j.jmacro.2017.08.002.
48. Vallerstain, I. 2000, Globalization or transition? *Ekonomicheskie strategii* [Economic strategies], no. 2, p. 14—26 (in Russ).
49. Bresser-Pereira, L.C., Araújo, E.C., Costa Peres, S. 2020, An alternative to the middle-income trap, *Structural Change and Economic Dynamics*, no. 52, p. 294—312. doi: 10.1016/j.strueco.2019.11.007.
50. Wiborg, Ø.N., Hansen, M.N. 2018, The Scandinavian model during increasing inequality: Recent trends in educational attainment, earnings and wealth among Norwegian siblings, *Research in Social Stratification and Mobility*, no. 56, p. 53—63. doi: 10.1016/j.rssm.2018.06.006.
51. Benešová, I., Smutka, L. 2016, The Post-soviet Countries — Development and Structure of Economy: Is there any Potential for Future Regional Integration? *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, no. 220, p. 30—39. doi: 10.1016/j.sbspro.2016.05.466.
52. Cutrini, E. 2019, Economic integration, structural change, and uneven development in the European Union, *Structural Change and Economic Dynamics*, no. 50, p. 102—113. doi: 10.1016/j.strueco.2019.06.007.
53. Siksnelyte, I., Zavadskas, E.K., Bausys, R., Streimikiene, D. 2019, Implementation of EU energy policy priorities in the Baltic Sea Region countries: Sustainability assessment based on neutrosophic MULTIMOORA method, *Energy Policy*, no. 125, p. 90—102. doi: 10.1016/j.enpol.2018.10.013.
54. Studzieniecki, T. 2016, The Development of Cross-border Cooperation in an EU Macrorregion — A Case Study of the Baltic Sea Region, *Procedia Economics and Finance*, no. 39, p. 235—241. doi: 10.1016/S2212-5671(16)30318-5.
55. Rokkan, S., Urwin, D.W. 1982, Introduction: Centres and Peripheries in Western Europe. In: Rokkan, S., Urwin, D.W. (eds.) *The Politics of territorial Identity. Studies in European Regionalism*, SAGE publications, London, Beverly Hills, New Delhi, p. 5.
56. Timofeev, I.N. 2014, *Mirovoi poryadok ili mirovaya anarkhiya? Vzglyad na sovremennuyu sistemu mezhdunarodnykh otnoshenii* [World order or world anarchy? A look at the modern system of international relations]. In: Ivanov, I.S. (ed.) *Workbook no. 18*, Moscow, 48 p. (in Russ).
57. Minarčíková, E. 2016, EU-China cooperation on regional policy, *Perspectives in Science*, no. 7, p. 30—38. doi: 10.1016/j.pisc.2015.11.007.
58. Gustafsson, Å. 2018, The Baltic Sea Region Border Control Cooperation (BSRBCC) and border management in the Baltic Sea region: A case study, *Marine Policy*, no. 98, p. 309—316. doi: 10.1016/j.marpol.2018.09.028.

The authors

Prof. Igor A. Maksimtsev, Rector, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: rector@unecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9046-9114>

Prof. Nikolay M. Mezhevich, Chief Research Fellow, Institute of Europe Russian Academy of Science, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>

Dr Natalia P. Sirota, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: snp@unecon.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2736-9986>
